

ности, коммуникативных неудач и языковой игры), так и целям более масштабным – при использовании их как тестовой методики в рамках метода концептуального анализа.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Е.Н.Сороченко

Ставропольский университет

КОНЦЕПТ “СКУКА” В РЕФЛЕКСИИ АВТОРА И ГЕРОЯ

Концептуальное пространство текстов русской и зарубежной литературы очень широко. Оно вбирает в себя большое число культурных, эмоциональных, мировоззренческих концептов, среди которых одним из наиболее значимых для литературы конца XVIII – начала XIX века является концепт “скука”.

В европейской литературе, по замечанию Тардье, “скука” нашла отражение только в Новое время, когда на смену лирическим произведениям, исповедям и воспоминаниям пришел роман XVIII века, поставивший задачей осмеяние мерзости и бесполезности жизни. Его философия – в сведении всего к суете сует и скуке, эта мысль стала идеей и русского романа [7: 230]. В России скука приобретает статус культурного концепта в конце XVIII – начале XIX века под влиянием западноевропейской мысли и особенностей национального характера.

В статье ставится задача исследовать, как сам художник определяет особенности своих произведений, какие “векторы смысла” даются в этом определении и какое место занимает концепт “скука” в рефлексии автора и героя. Под рефлексией автора мы понимаем “...самоинтерпретацию, осуществляющуюся... на протяжении всего творчества, причем не всегда осознанно” [9: 604]. Наиболее адекватным определением рефлекс-

сии героя представляется следующее: “самоанализ, направленный на осмысление собственных действий” [1: 152].

В основе творчества любого художника есть текст о творчестве, который эксплицирован (метапоэтический текст) или имплицирован (метатекст) и требует экспликации. Это необъятная область, которая называется метапоэтикой, автометаопиской, автоинтерпретацией.

К.Э.Штайн определяет метапоэтику как “поэтику по данным метатекста, или код автора, имплицированный или эксплицированный в текстах о художественных текстах”, как “сильную” гетерогенную систему систем, включающую частные метапоэтики, характеризующуюся антиномичным соотношением научных, философских и художественных посылок; объект ее исследования – словесное творчество, конкретная цель – работа над материалом, языком, выявление приемов, тайн мастерства” [9: 617].

Метапоэтические тексты Гончарова, имеющие отношение к исследованию концепта “скука”, немногочисленны: “Предисловие к роману “Обрыв”, “Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”, “Лучше поздно, чем никогда” В романах “Обыкновенная история”, “Обломов”, “Обрыв” есть метатекстовые элементы, которые позволяют эксплицировать данные о творчестве художника и о том, как художник рассматривает собственное творчество.

Можно выделить иерархию внутренних структур, которые гармонизируют творчество И.А.Гончарова по вертикали.

1. Жизнь как текст (“беспредельное и глубокое море”).
2. Художественное произведение как целостный текст (миниатюра жизни).
3. Герои романа (“одно лицо, наследственно перерождающиеся”).
4. Скука как одно из характерных состояний героя.

Исследуя собственное творчество, И.А.Гончаров пишет: “Я сам и среда, в которой я жил, – все это, помимо моего сознания, само собою отразилось силою рефлексии у меня в воображении...” [5.Т.8: 72].

Любой художник выкристаллизовывает свои мысли, пытается выяснить, что имплицитно лежит в основе созданного им текста. Гончаров объясняет и описывает свои литературные формы, как зеркало, отражающее в миниатюре всю жизнь. Структуры, которые проясняют и представляют это единство, лежащее в многообразии его текстов, немногочисленны. Они выражаются в виде некоего гештальта. Под гештальтом мы, вслед за Т.Н.Ворониной, понимаем “функциональную структуру, которая по присущим ей законам упорядочивает многообразие отдельных явлений” [4: 14]. Однако о гештальте мы говорим условно. Для того чтобы исследование было достоверным, важно не привносить готовых схем, штампов, которые вырабатываются в процессе анализа произведения.

Гештальт, лежащий в основе метапоэтики Гончарова, – это внутренняя структура, элемент фигуры, выделение главного на фоне большого общего текстового пространства. Особенностью организации романов И.А.Гончарова является их нарративность, описательность, “медленное” повествование. Чем более “рыхлой” воспринимается внешняя структура, тем более четкой предстает внутренняя структура. Писатель мыслит как структуралист, выкристаллизовывая из “моря” текста некую модель, которая лежит в основе художественного целого. В статье “Лучше поздно, чем никогда” И.А.Гончаров устанавливает “теснейшую органическую связь” между созданными им произведениями: *“Я упомянул выше, что вижу не три романа, а один. Все они связаны одною общей нитью, одною последовательностью идеи – перехода от одной эпохи русской жизни, которую я переживал, к другой – и отражением этих явлений в моих изображениях, портретах, сценах, мелких явлениях и т. д.”* [5.Т.8: 72]. В “Предисловии к роману “Обрыв”, по сути первоначальном варианте статьи “Лучше поздно, чем никогда”, представлено аналогичное понимание И.А.Гончаровым своих романов: это *“одно огромное здание, одно зеркало, где в миниатюре отразились три эпохи – старой жизни, сна и пробуждения”*, а все лица – *“одно лицо, наследственно перерождающееся”* [5.Т.8: 162]. Тексты его романов и есть фигура на фоне

жизни, а сам роман по отношению к жизни – зеркальная миниатюра, выпуклые смысловые структуры которой определяются на фоне размытых. Миниатюра – это уже ракурс, обобщающий жизнь как текст. Жизнь, по Гончарову, *“беспредельное и глубокое море; его не исчерпаешь и не направишь в одно какое-нибудь русло...”* [5.Т.8:110]. В обеих цитатах одним из ключевых является слово *переход*, связывающее три романа в единое целое – прозаический художественный текст Гончарова.

Гончаров рассматривает своих героев типологически, как “одно лицо”. Их объединяет не внешнее сходство, а внутренние процессы, которые сходятся в точке “перерождение” (ср. с глаголом *переродиться*, имеющим значение ‘стать совсем иным, обновиться, преобразиться’). И.А. Гончаров в статье “Лучше поздно, чем никогда” использует такие метахарактеристики героев: Обломов – *“воплощение сна, застоя, неподвижной, мертвой жизни – переползание изо дня в день”*; Райский – *“прямой, ближайший сын”* Обломова. *“Он, если не спит по-обломовски, то едва лишь проснулся – и пока знает, что делать, но не делает”* [5.Т.8].

Гештальты, формируемые Гончаровым, подобно некоей “литейной форме” [2: 68], представляют целостную структуру, заполняющуюся различными элементами, в число которых входят и “элементарные свойства русского человека” – лень, апатия, сон, неподвижность, скука и другие. Метапоэтические данные лишь намечают контуры того места, которое занимает концепт “скука” в романах писателя. Как уже было замечено, в самих произведениях имеются “метатекстовые ленты”, позволяющие эксплицировать дополнительные данные. Скука – одно из явлений, лежащих в основе жизни героев Гончарова. Это фигура на фоне взаимодействия героя со средой. Отношение героя к скуке, его интерпретация данного чувства, комментарии автора выявляют дополнительные смыслы концепта.

Анализ текстов романов Гончарова позволяет выделить метахарактеристики героев, которые также имеют структуру гештальтов.

Алчев – младший. Скука данного героя характеризуется им самим через металексему слово: “Скучно!” – *подумал он, – слово найдено! Да это мучительная, убийственная скука! Вот уже с месяц этот червь вполз ко мне в сердце и точит его...*” [5.Т.1: 214]. Герой пытается истолковать слово *скучно* и одновременно дать ему оценку, используя качественные прилагательные *мучительная* со значением ‘причиняющая мучение’ и *убийственная* со значением ‘вредная, тяжелая, крайне неприятная’. Подобные эпитеты характеризуют скуку как крайне неприятное чувство, своего рода изъян, мешающий герою полноценно существовать. Контекстуальный синоним *червь* подчеркивает отрицательный характер чувства, так говорят о том, что постоянно терзает, мучит.

Обломов. В тексте романа наиболее точное определение скуке героя дает автор: “Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из *труда* и *скуки* – это у него были синонимы: другая – из *покоя* и *мирного веселья*” [5.Т.4: 58]. В метахарактеристике имеется лингвистический термин – синоним (“труд” и “скука”). Вне этого контекста “труд” и “скука” – практически антонимы. Слово *труд* имеет сему ‘работа, занятие’, слово *скука* – сему ‘томление от отсутствия дела или интереса к окружающему’. Происходит нейтрализация дифференциальных сем. Употребление термина, работа в направлении его смысловой организации свидетельствуют о том, что Гончаров создает не только художественный текст, но и текст метапоэтический (т.е. осуществляет исследование собственного творчества). Таким образом, художественное творчество и рефлексия над ним оказываются теми параллельными прямыми, которые в неевклидовом пространстве Гончарова как тексты пересекаются. В точках пересечения и оказываются внутренние структуры, которые мы и определяем как гештальты, т.е. “литейные формы”

Райский. Райский смотрит на свою жизнь как на роман, идет по схеме, которую предпосылает ему Гончаров. В частности, Райский пишет роман. “Ему пришла в голову *прежняя мысль “писать скуку”*: “Ведь жизнь многосторонняя и многообразна, и если, – *думал он, – и эта широкая и голая, как степь,*

скука лежит в самой жизни, как лежат в природе безбрежные пески, нагота и скудость пустынь, то и скука может и должна быть предметом мысли, анализа, пера или кисти, как одна из сторон жизни... [5.Т.6: 292].

Роман в романе – это текст о творчестве – фигура на фоне разворачивания романа. Выражения *пришла мысль, писать скуку, думал, программа романа* – метатекстовые ленты, в которых герой на фоне жизни выделяет некую фигуру, роман. Лексема *прежняя* указывает, что подобная мысль посещала Райского и раньше, возможно, неоднократно. Лексема *писать (скуку)* многозначна, она подразумевает широкий подход к скуке как объекту исследования. *“Он затирался у себя, писал программу романа и внес уже на страницы ее заметку “о ядовитости скуки”. Страдая этим уже не новейшим недугом, он подвергая его психологическому анализу, вынимая данные из себя”* [Там же:307]. Это изоморфно тому, что говорит Гончаров. Скука как одна из сторон жизни должна занять свое место в отведенном ей текстовом пространстве, а для этого ее нужно осмыслить, проанализировать, описать, и материал лучше всего черпать из наблюдений за самим собой.

Данное пространство все время расширяется высказываниями героя о скуке. *“Если б не было на свете скуки! Может ли быть лютее бича?”* [5.Т.6:11]. *Лютый бич* – метаэлемент в тексте “Обрыва”, аналогичная конструкция встречается в письмах писателя. Ср.: *“...мне еще хорошо, а вот что-то будет подалее, как всюду преследующий меня бич – скука – вступит в свои права...”* (Н.А.Майкову и его семье, 13июля 1849). Для Райского скука – бич, чума, лютейший враг, лютая горесть, болезнь. Герой постоянно осмысливает, анализирует терзающее его чувство.

Итак, метаязыковые элементы с семантикой ‘слово’, ‘мысль’ и другие подчеркивают, что герои постоянно оперируют концептом “скука”, возводят его в ранг наблюдаемого, анализируемого.

И в романах, и в очерке, и в эпистолярном наследии метаязыковые элементы дополняют, обогащают выделенную писателем структуру. Так, во “Фрегате “Паллада” расширяются

национальные, лингвогеографические параметры концепта. “Уж этот мне крайний Восток: пока, кроме крайней скуки, толку нет!” [5.Т.3: 25]. “Они [японцы] сами скучают и зевают, тогда как у китайцев, по рассказам, этого нет. Решительно японцы – французы, китайцы – немы здешних мест” [Там же:50]. “Англичане всюду умеют внести свою чопорность, негибкие нравы и скуку” [Там же:122]. Следовательно, И.А.Гончаров считает скуку принадлежностью французской и английской культуры и отмечает ее несовместимость с немецким образом жизни. Данные метатекстовые послышки нашли отражение в образах Обломова и Штольца.

Примеры расширения пространственно-временных параметров мы выбрали из писем писателя. “...Отсюда та скука, которая беспреданно проглядывает из каждого промежутка между двух наслаждений, то есть всякий раз, когда воображение устало и безмолвствует...” (И.И.Льховскому, 5/17 ноября 1858). Мета-лексема *отсюда* со значением ‘из сказанного перед этим’ указывает, какое направление принимают мысли писателя. Причины скуки выводятся из рассуждений о сущности “цинического ко всему равнодушия”, об эволюции человеческого идеала. Лексема *беспреданно* со значением ‘беспрерывно, с частой повторяемостью’ подчеркивает возобновляющийся, константный характер скуки. “...ношу с собой везде тамияцу меня скуку ко всякому труду, особенно литературному...” (Ю.Д.Ефремовой, 25 октября – 6 ноября 1847). “Я, по обыкновению, страдаю скукой и нелюдимостью...” (А.Ф.Кони, 5 июля 1881). Использование лексем *везде* с семой ‘во всех местах, повсюду’, *по обыкновению* с семой ‘как всегда’ подчеркивает постоянство и неизменность ее пространственно – временных характеристик.

Таким образом, в метапоэтике Гончарова заложены внутренние структуры, дающие возможность адекватного понимания его произведений. В этом гармония, единство и многообразие. Скука выступает в рефлексии автора и героя как фигура на фоне многообразных проявлений жизни, отразившаяся в его текстах, как в миниатюре.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.
2. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории и живописи. Калининград, 1999.
3. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. М., 1978. С. 402-421.
4. Воронина Г.Н. Языковые средства выражения фактуры (на материале поэтических текстов М.И. Цветаевой): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2000.
5. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1954-1955.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1995.
7. Тардье. Скука. Психологическое исследование. СПб., 1907.
8. Штайн К.Э. Метапоэтика А.С.Пушкина // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4-х т. Том 1. Ставрополь, 2002. С. 617-626.
9. Штайн К.Э. Метапоэтика: "Размытая" парадигма // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Т.1. Ставрополь, 2002.

Н.В. Дорофеева

Кубанский технологический университет

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ

В ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ: УДИВЛЕНИЕ

С точки зрения лингвистической концептологии, дискурс рассматривается, с одной стороны, как текст в ситуации реального общения [9: 285], а с другой – как совокупность апелляций к определенным концептам [18: 41], в том числе и эмоциональным.

При означивании эмоций в сознании они приобретают определенное содержание, репрезентируясь в эмоциональных представлениях или когнитивных образах, в состав которых входят экстероцептивные и интероцептивные компоненты, сигнализирующие субъекту об изменениях во внутреннем мире с точки зрения